

## Глава VI

### «Законодатели, если бы Руссо был среди вас!»

Разрабатывая и обсуждая проект Конституции III года Республики, законодатели действовали не на пустом месте: к их услугам был не только опыт предшествовавших революций и 1789-1795 годов, но и богатое теоретическое наследие философов и мыслителей. Разумеется, оно активно использовалось революционерами и до Термидора, однако мне представляется важным посмотреть, что нового появилось в отношении к духовным и политическим авторитетам летом 1795 года, поскольку это позволяет учесть еще одну немаловажную составляющую психологии термидорианской элиты.

Для историографии нередко характерно определенное противопоставление влияния на революционеров Руссо и Монтескье: считается, что в 1791 году более актуальными казались философские построения Монтескье, а затем «авторитет Монтескье-политика, слишком умеренного и компромиссного для столь бурного времени, был существенно подорван»<sup>1</sup>, и Конституция 1793 года была уже «проникнута идеями Руссо»<sup>2</sup>. Эта же линия хорошо видна и по публикациям произведений философов в годы Революции: пик изданий Руссо приходится на 1792-1793 годы, а затем их количество резко сокращается. С Монтескье же картина обратная: он почти не издается во времена диктатуры монтаньяров, «зато в 1795 году внимание к произведениям философа во Франции резко повышается и появляется целый поток новых его публикаций»; Монтескье впервые начинает издаваться больше, чем Руссо<sup>3</sup>. Небезынтересны в этой

---

<sup>1</sup> Плавинская Н.Ю. Монархия и республика Монтескье // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М., 1995. С. 196.

<sup>2</sup> Манфред А.З. Великая французская революция. С. 145.

<sup>3</sup> Плавинская Н.Ю. Публикация произведений Монтескье в 1789-1799 годах // Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология. М., 1988. С. 174, 175.

связи слова одного из издателей Монтескье того периода – Лароша, – который считал, что «после пяти лет несчастий и ожесточения» возникла необходимость «привлечь внимание к истинным принципам конституции». Позднее, в Совете пятисот даже обсуждался вопрос о перенесении праха философа в Пантеон, а издатели одного из его собраний сочинений торжественно подарили этому же Совету первый том<sup>1</sup>.

Интерес при Термидоре к идеям Монтескье не вызывает сомнений: анализ дискуссии в Конвенте показывает, что она в значительной степени была пронизана представлениями, сформировавшимися под влиянием «Духа законов». Другое дело, что, как и многие до них и после них, законодатели III года Республики выбирали из трудов философа лишь отдельные фрагменты, совершенно не пытаясь следовать его рекомендациям в целом или верить его трудами гармонию создаваемой ими республиканской системы. Хотя подобное фрагментарное обращение к теориям Монтескье, по большому счету, было лишено смысла, тем не менее, сюжетов, которые рассматривались через призму идей философа, было немало.

Едва ли не самый важный из них – это необходимость разделения властей<sup>2</sup>: «Чтобы не было возможности злоупотреблять властью, – писал Монтескье, – необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга» (XI, IV)<sup>3</sup>. В свое время Б. Манен отмечал, что Революция расходится с Монтескье в том, каким образом должно быть произведено разделение властей<sup>4</sup>, – и действительно, депутаты так и не решились предоставить, например, исполнительной власти право вето, которое Монтескье считал необходимым для того, чтобы она реально могла противостоять законодательной (XI, VI). С другой стороны, положение о том, что исполнительную власть ни в коем

---

<sup>1</sup> Плавинская Н.Ю. Публикация произведений Монтескье... С. 177, 182.

<sup>2</sup> А. Эсмен подчеркивает, что этим Европа и Америка обязаны прежде всего Монтескье. *Esmein A. Eléments de droit constitutionnel français et comparé*. P., 1899. P. 269.

<sup>3</sup> Ссылки даются с указанием номера книги и главы. Цитаты приводятся по изданию: *Монтескье Ш.-Л. Избранные произведения*. М., 1955.

<sup>4</sup> *Manin B. Montesquieu // DCRF*. P. 798.

случае нельзя доверять кому-либо из членов законодательного собрания, было проведено весьма последовательно (не считая небольшой отсрочки до выборов V года). Вводилось и предусматриваемое философом деление на две палаты – Баррас в своих мемуарах прямо пишет, что это было сделано не без влияния Монтескье<sup>1</sup>.

Чувствуется влияние Монтескье и в дискуссии о том, кто может стать избирателем. «Для республики столь же важно определить, – подчеркивал философ, – как, кем, пред кем и о чем будут производиться голосования, как для монархии знать, кто государь». Хорошо видно, что эта часть Конституции III года была выстроена в полном соответствии с тезисами Монтескье: когда народ не может управлять непосредственно («неспособен вести дела сам»), отмечал философ, он должен делать это через своих представителей и самостоятельно избирать лишь своих уполномоченных (II, II). Помимо этого, Монтескье был уверен, что самые бедные не должны быть избирателями – и в этом Конвент также был с ним солидарен<sup>2</sup>. Можно привести и другие примеры: здесь и учет возрастного фактора при формировании различных палат (V, VII), и предоставление исполнительной власти права лишь на короткое время арестовывать граждан, в случае возникновения чрезвычайной опасности (ст.145 Конституции III года), и мнение о необходимости разрешить гражданам говорить и писать все, что не запрещено законом (XIX, XXVII), и многое другое<sup>3</sup>.

Разумеется, имя Монтескье всплывало не только в стенах Конвента. Оно неоднократно упоминалось в переписке Комиссии одиннадцати<sup>4</sup> и посвященных новой конституции памфлетах<sup>5</sup>. Однако нельзя не признать, что непосредственно в дискуссии о Конституции оно упоминается лишь трижды, что, разумеется, достаточно мало. В то же время Руссо упоминается в 5 раз больше – 15 раз.

---

<sup>1</sup> *Barras P. Op. cit. Vol. 1. P. 240.*

<sup>2</sup> См., например, выступление Мерлена из Дуэ. *Moniteur. № 295. P. 1188.*

<sup>3</sup> См., например, выступление Гийомара – прямые параллели с Монтескье. *Moniteur. № 302. P. 1217.*

<sup>4</sup> *A.N., C 229, d.183 bis \* 6/1. Doc. 6; Ibid., C 232, d.183 bis \* 12. Doc. 1; Ibid., AA 34. Doc. 1016.*

<sup>5</sup> См., например: *Lenoir-Laroche J.J. Op. cit. P. 147.*

У Монтескье и Руссо разные идеи, писал Редерер, но если бы они имели возможность общаться, то извлекли бы из этого обоюдную пользу<sup>1</sup>. Воспользовались ли депутаты возможностью «извлечь пользу» из синтеза идей двух философов?

В историографии Революции давно уже стала общим местом мысль о том, что, как писал А. Коббен, «существует немного авторов, которых интерпретировали бы столь разнообразно, как Руссо»<sup>2</sup>. «Выяснение того, до какой степени люди 1789 года плохо понимали или извращали идеи Жан-Жака, само по себе составило бы материал для целого коллоквиума», – справедливо отмечает Н. Хэмпсон<sup>3</sup>. «Сколько раз защитники трона и алтаря Лалли-Толандаль, Калонн, Малле дю Пан, Ривароль, д'Антрэг упрекали своих противников в извращении уроков женеvского философа, в нарушении его наиболее ясных заветов», – добавляет Э. Чэмпин<sup>4</sup>. Одним словом, Руссо ставили себе на службу как революционеры, так и контр-революционеры.

Дискуссионной также остается «ответственность» философа за диктатуру монтаньяров и Революцию в целом. Так, например, Коббен высказывал уверенность, что «“Общественный договор” Руссо не имел установленного влияния до Революции и лишь весьма спорное – в ходе нее»<sup>5</sup>; к тому же, если исходить из того, что Робеспьер перенес идеи Руссо в план практической политики, то в этом попросту не было необходимости – деспотизму можно было бы научиться и у Старого порядка<sup>6</sup>. Фюре также подчеркивал, что «Руссо никоим образом не “несет ответственности” за французскую революцию, но очевидно, что он, сам того не осознавая, заложил культурные основы для революционного сознания и революционной практики»<sup>7</sup>.

---

<sup>1</sup> Journal de Paris. 4 messidor (22.VI.95). Vol. 1. P. 1107.

<sup>2</sup> Cobban A. Rousseau and the Modern State. Hamden, 1961. P. 28.

<sup>3</sup> Hampson N. Social History of the French Revolution. Toronto, 1966. P. 463-464.

<sup>4</sup> Champion E. J.J.Rousseau et la Révolution Française. P., 1909. P. 160. См. также: Robisco N.B. Jean-Jacques Rosseau et la Révolution française: une esthétique de la politique (1792-1799) // AHRF. 1993. № 291. P. 131.

<sup>5</sup> Cobban A. Aspects of the French Revolution. L., 1968. P. 22.

<sup>6</sup> Cobban A. Rousseau and the Modern State. P. 30.

<sup>7</sup> Furet F. Penser la Révolution française. P. 58.

Как мы уже видели, после 1794 года количество изданий Руссо идет на убыль – не без оснований считается, что его авторитет был значительно поколеблен после падения Робеспьера. И если принято считать, что при составлении конституции 1793 года Монтескье затмевали Руссо и Мабли<sup>1</sup>, то отношение к Руссо законодателей III года видится исследователям совершенно по-разному: если одни полагают, что «реакционная буржуазия» отказалась от всего, что было внесено в предыдущие конституции под влиянием Руссо<sup>2</sup>, то другие, столь же уверенно, отмечают прямое влияние Руссо на термидорианскую конституцию<sup>3</sup>. Нельзя забывать и о пышном празднике, связанном с переносом праха Руссо в Пантеон, приходящемся именно на Термидор. И хотя по мере дальнейшего развития Революции Руссо пользовался у законодателей все меньшим и меньшим авторитетом<sup>4</sup>, посмотрим, что восприняли из его наследия термидорианцы.

Как известно, Руссо, в отличие от Монтескье, полагал, что право голоса должно принадлежать всем гражданам (IV, I)<sup>5</sup>, поскольку иначе суверенитет не будет осуществлен. Эти же мысли прослеживаются и у Кондорсе (на которого, кстати, дважды ссылались во время дискуссии)<sup>6</sup>, и у Буасси д'Англа в его речи от 5 мессидора<sup>7</sup>. Кроме того, Руссо полагал, что народ нельзя подкупить (в чем

---

<sup>1</sup> См., например: *Смаргон И.З.* Учение Монтескье о государстве и его влияние на идеологию французской буржуазной революции конца XVIII века // ЛГУ. Ученые записки. Серия исторических наук. Л., 1940. Вып. 6. С. 69.

<sup>2</sup> См., например: *Les constitutions de la France...* P. 94; *Godechot J.* Les institutions de la France sous la Révolution et l'Empire. P., 1951. P. 396.

<sup>3</sup> См., например: *Meunier A.* Les coups d'état du Directoire. P., 1927. Vol. I. P. 249.

<sup>4</sup> А. Мейнье отмечает, что Директория предпочитала видеть в Руссо скорее моралиста и религиозного теоретика, нежели излишне демократичного политика, а «Консулат был смертелен для идей Руссо». *Ibid.* Vol. I. P. 20, 21.

<sup>5</sup> Ссылки даются на номер книги и главы. Цитаты приводятся по изданию: *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969.

<sup>6</sup> См., например: *Moniteur.* № 333. P. 1340.

<sup>7</sup> Однако Эсмен считает, что они ошибались, так как суверенитет, как писал Руссо, и неотчуждаем (II, I), и неделим (II, II), а потому право голоса необходимо рассматривать не как неотъемлемое право, а как социальную функцию. *Esmein A.* Op. cit. P. 187-193.

далеко не все депутаты были с ним согласны), но легко обмануть (II, III, хотя в другом месте он и пишет о том, что «людей прямых и простых трудно обмануть именно потому, что они просты» – IV, I) – и здесь сомнений не было. Кстати, фраза Руссо о том, что «человек добр, люди – злы» («*L'homme est bon, les hommes sont méchants*») постоянно была на слуху у современников<sup>1</sup>, а один из них даже дает к ней следующий комментарий: «То есть, когда люди образуют общество, которое не организовано на прочных началах, при помощи силы, направляемой законом, то оно несет в себе лишь опасности, разногласия и несчастья»<sup>2</sup>. Пояснения, разумеется, столь же спорные, как и большинство комментариев к Руссо.

Можно вспомнить немало и иных идей философа, которые при Термидоре по-прежнему оставались актуальными. Здесь и вред, который может проистекать от создания групп внутри народа (II, III); и мнение, что общая воля не может высказываться по поводу предмета частного (II, VI), что было одним из аргументов во время дискуссии о том, кто должен избирать членов Директории; и напоминание о том, что «всякий закон, пока народ не утвердил его непосредственно сам, недействителен» (III, XV), явно оказавшее влияние на решение вынести конституцию, как и в 1793 году, на референдум. Не исключено, что идея Трибуната также взята Сийесом из «Общественного договора» (IV, V). Не забудем и высказанную в свое время Л. Сциу мысль о том, что ст. 16 второй главы Конституции об образовательном цензе для избирателей напрямую вдохновлена идеями знаменитого философа<sup>3</sup>.

И хотя далеко не все положения Руссо были приемлемы для депутатов, все же говорить о каком-либо неприятии философа, а тем более о его намеренном устранении с политического небосклона, нет оснований. Аргументом здесь может служить не только частота его упоминаний, хотя она сама по себе достаточно характерна, но и их

---

<sup>1</sup> См., например: *Grégoire H. Mémoires de Grégoire, ancien évêque de Blois, député à l'Assemblée Constituante et à la Convention Nationale, sénateur, membre de l'Institut. Paris, 1837. Vol. 1. P. 455.*

<sup>2</sup> *Benicasa B., comte de. Journal d'un voyageur neutre. L., 1796. P. 39.*

<sup>3</sup> *Sciout L. Op. cit. Vol. 1. P. 297.*

контекст. На Руссо неоднократно ссылаются в доказательство своих тезисов (причем не только на «Общественный договор», но и на другие произведения), называя его при этом выдающимся философом<sup>1</sup>. Когда два депутата – Гарран и Майль – вступают в полемику, весомыми аргументами в ней служат именно цитаты из Руссо: их вескость бесспорна для обоих, вопрос лишь в истолковании<sup>2</sup>. Выступая против лишения преступников гражданских прав, тот же Гарран напоминает знаменитую фразу философа о том, что и в тюрьме человек свободен (IV, II)<sup>3</sup> – и таких примеров немало.

Очевиден пиетет и к самой личности мыслителя. Так, например, депутат Тало (*Talot*) называл его среди наиболее достойных людей, не имевших потомства<sup>4</sup>, а другой законодатель опасался, что если запретить принимать участие в выборах людям, лишенным собственности, новый Руссо может не быть избран<sup>5</sup>. «Законодатели, если бы Руссо был среди вас!», – восклицает Сен-Мартен, пытаясь убедить коллег<sup>6</sup>. А если судить, например, по речи Камбасереса, произнесенной 20 вандемьера при перенесении праха Руссо в Пантеон, и вовсе не было философа более почитаемого и человека более достойного<sup>7</sup>.

Отметим также, что в проектах, отправленных в Комиссию одиннадцати, упоминания Руссо встречаются намного чаще Монтескье<sup>8</sup>. Один из авторов даже сопровождает рукопись весьма показательной пометкой: «Это Руссо мне ее продиктовал»<sup>9</sup>. Многократно

---

<sup>1</sup> Moniteur. № 302. P. 1217; № 312. P. 1257-1258; № 318. P. 1279; № 282. P. 1137.

<sup>2</sup> Moniteur. № 332. P. 1336.

<sup>3</sup> Moniteur. № 290. P. 1169.

<sup>4</sup> Moniteur. № 307. P. 1236.

<sup>5</sup> Moniteur. № 302. P. 1218.

<sup>6</sup> Moniteur. № 313. P. 1263. Здесь хотелось бы обратить внимание еще на один нюанс, отмеченный Н.Б. Робиско. Если другие мыслители всегда цитировались ради их принципов, пишет он, то у Руссо неизменно стремились получить моральное одобрение. *Robisco N.B. Op. cit. P. 134.*

<sup>7</sup> Jean-Jacques Rousseau dans la révolution française 1789-1801. P., 1977. P. 2.

<sup>8</sup> См., например: A.N., C 227, d.183 bis \* 3/2. Doc. 53; Ibid., d.183 bis \* 3/3. Doc. 108; Ibid., C 228, d.183 bis \* 5/3. Doc. 81; A.N., C 231, d.183 bis \* 11/3. Doc. 104; A.N., C 232, d.183 bis \* 12. Doc. 1; Ibid., d.183 bis \* 13. Doc. 12.

<sup>9</sup> A.N., C 228, d.183 bis \* 5/1. Doc. 31.

упоминается философ и в посвященных принятию новой конституции памфлетах<sup>1</sup>.

Активно используют имя Руссо и в спорах, ведущихся за пределами Конвента. Так, например, рассуждая о наилучшем способе организации исполнительной власти, Редерер пишет: «Руссо отмечает в магистрате, который управляет, три принципа действия: общественный интерес, интерес магистратуры и личный интерес. Он обращает внимание на то, что личный интерес стоит на первом месте в сознании магистрата, интерес учреждения (*corps*) – на втором, государственный интерес – на третьем. Это показывает, говорит он, что если все управление находится в руках одного человека, частная воля и воля института (*corps*) совершенно едины, и посему достигают самой большой силы. А поскольку использование силы зависит от воли, наиболее активные правительства – правительства одного». Соответственно, делается характерный для просветителей вывод о том, что чем больше магистратов, тем слабее правительство<sup>2</sup>. Не удивительно, что, доведя эту мысль до логического завершения, Фрерон писал в своей газете, что если бы Жан-Жака Руссо можно было бы спросить, какую конституцию дать Франции, этот великий человек без колебаний ответил бы: «Королевскую власть»<sup>3</sup>.

В то же время, видны и первые признаки неоднозначного отношения к идеям Руссо. Начинают звучать критические нотки, во многом объясняемые, на мой взгляд, опорой на Руссо во времена диктатуры монтаньяров, когда, как отмечал А.В. Чудинов, «его, казалось бы, совершенно абстрактные парадоксы на некоторое время обрели плоть и кровь»<sup>4</sup>. Эти нотки пока еще крайне редки, хотя и достаточно громки. Так, например, один из памфлетистов пишет: «До каких пор мы будем иметь смелость говорить лишь полуправду? Почему бы честно не признать, что принципы общественного договора Руссо в основе своей ложны, применительно к

---

<sup>1</sup> См., например: *Alcoran républicain...*; *Lenoir-Laroche J.J.* Op. cit. P. 125-126; *Ronzier R.* Op. cit. P. 31.

<sup>2</sup> *Journal de Paris.* 26 messidor an III (14.VII.95). Vol. 2. P. 1195-1196.

<sup>3</sup> Цит. по: *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 1. № 7. 18.VII.95. P. 423.

<sup>4</sup> *Чудинов А.В.* Утопии века Просвещения. М., 2000. С. 42.

представительному правлению?»<sup>1</sup>. «Доктрина Руссо, – уверен автор другого памфлета, – это доктрина каннибала, который переживает, что человеческая кровь не льется достаточно обильно; доктрина, вызревшая в полоумной голове фанатичного идиота, способная и сейчас еще породить маратов, каррье, робеспьеров»<sup>2</sup>. И хотя подобные мысли отнюдь еще не были общим местом, это, разумеется, не мешало участвующим в дискуссии как в стенах Ассамблеи, так и за ее пределами, отбирать, как это всегда и делалось, только те фрагменты из произведений Руссо, которые подтверждали их мысли, благополучно отбрасывая то, что в эти жесткие рамки не укладывалось<sup>3</sup>. Как и раньше, при всем различии, а в какой-то мере даже противоположности, существующей между концепциями Руссо и Монтескье, идеи этих двух философов мирно соседствовали в головах депутатов: оба философа вошли в годы Революции в своеобразный круг обязательных авторитетов, что нередко подразумевало начетничество, оперирование вырванными из контекста цитатами, некритичное отношением к вошедшим в пантеон «богам»<sup>4</sup>.

В некоторой степени это относится и к целому ряду других мыслителей. Как правило, контекст их упоминания весьма мало-содержателен. Чаще всего, имя используется в ряду других для того,

---

<sup>1</sup> *Vasselin G.V.* Respect à la propriété et aux autres droits du citoyen; ou Le seul point de ralliement des Représentés aux Représentans et des Gouvernés aux Gouvernans. P., s.d. P. 3.

<sup>2</sup> *Langloys J.Th.* Qu'est-ce qu'une Convention Nationale? P., 1795. P. 14. См. также весьма критичные отзывы о Руссо в: *Le Libre penseur*. № 1. P. 14. Первые примеры критики Руссо встречаются и у депутатов Конвента. См., например: *Faure P.J.D.G.* Op. cit. P. 3.

<sup>3</sup> Хотелось бы оговорить, что подобное отношение к идеям философа было характерно отнюдь не только для термидорианцев. Так, например, А.В. Чудинов отмечает, что Робеспьер опирался на авторитет Руссо – как требуя полной отмены смертной казни, так и призывая скорее отправить короля на эшафот. Все зависело от того, что было выгоднее в данной политической ситуации. *Чудинов А.В.* На облаке утопии... С. 32.

<sup>4</sup> Ср. у Р. Шартье: «Не вероятнее ли другое: что Революция придумала Провсвещение, желая доказать свое законное происхождение и ища свои корни в основополагающих текстах философов, для чего примирила их авторов, несмотря на бросающиеся в глаза различия, и сплотила их задним числом». *Шартье Р.* Культурные истоки Французской революции. М., 2001. С. 14.

чтобы подкрепить свою мысль как можно большим количеством пользовавшихся уважением мыслителей. Именно таким образом апеллируют, например, к авторитету Мабли<sup>1</sup>. Автор широко известных в XVIII веке произведений, горячо приветствовавший торжество республиканских принципов в США и допускавший, в отличие от Руссо, идею прямого народного представительства<sup>2</sup>, этот философ без сомнения не мог остаться незамеченным членами Конвента. Однако его концепция также весьма противоречива. Наряду с утверждениями о том, что «счастье [...] возможно только при общности имуществ» (I, II)<sup>3</sup> и что необходимо насильственно дробить движимое и недвижимое имущество, «накопленное жадностью и тщеславием» (II, I), в его трудах встречаются и тезисы весьма близкие термидорианцам: о том, что «природа предназначила людей быть равными» (I, II), что в Англии отнюдь не достигнуто разделение властей, поскольку король волен вмешиваться в законодательство, и что звание гражданина не должно уничтожать достоинства человека.

Кого еще упоминают законодатели в своих речах? Круг их интересов широк, у многих чувствуется хорошее образование: встречаются имена Вольтер<sup>4</sup>, Монтень и Тацит<sup>5</sup>, Бентам<sup>6</sup>, Макиавелли<sup>7</sup>, персонажи античных мифов<sup>8</sup>, Библии<sup>9</sup> и даже развенчанный Мирабо<sup>10</sup>.

На параллелях с античностью хотелось бы остановиться подробнее. Так, 20 раз в ходе дискуссии встречаются ссылки на Древнюю Грецию, в том числе 6 раз на Спарту и 4 на Афины; из конкретных имен дважды упоминается Платон, по одному – Солон и Сократ.

---

<sup>1</sup> Moniteur. № 305. P. 1229. Упоминается Мабли и в одном из проектов. A.N., C 228, d.183 bis \* 5/3. Doc. 81.

<sup>2</sup> Волгин В.П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1977. С. 297-298.

<sup>3</sup> Ссылка дается на номер книги и главы. Цитаты приводятся по изданию: Мабли Г. Избранные произведения. М.-Л., 1950.

<sup>4</sup> Moniteur. № 307. P. 1236.

<sup>5</sup> Moniteur. № 307. P. 1235.

<sup>6</sup> Moniteur. № 334. P. 1346.

<sup>7</sup> Moniteur. № 330. P. 1330.

<sup>8</sup> Moniteur. № 282. P. 1137.

<sup>9</sup> Moniteur. № 336. P. 1354.

<sup>10</sup> Целых три раза. См., например: Moniteur. № 282. P. 1137.

Чуть меньше – 16 раз – вспоминают Древний Рим; из персоналий – Катона, братьев Гракхов, Мария и Цицерона<sup>1</sup>. В историографии встречается даже мнение, что само название Совета старейшин было инспирировано Герусией в Спарте<sup>2</sup>. И, как правило, эти упоминания содержат в себе одну общую мысль – необходимо быть достойным примера древних, помнить об опыте их законодательных институтов.

Разумеется, в проведении параллелей с античностью термидорианцам отнюдь не принадлежала пальма первенства. О том влиянии, которые оказали Древняя Греция и Древний Рим (вернее, их образы, закрепившиеся в сознании образованной элиты XVIII века) на Французскую революцию, написано и сказано уже немало, и едва ли есть смысл останавливаться здесь на этом подробнее. «В самом деле, – отмечает К. Моссе, – почему, несмотря на то, что современный мир предлагал другие примеры политических режимов, которые сильно влияли на составителей различных конституций, выработанных в это смутное время, испытывалась настоятельная необходимость ссылаться на древних, отождествлять себя с героями Плутарха или грезить о спартанском или римском обществе»<sup>3</sup>? Быть может, дело в том, что античный мир выработал концепции свободы и равенства, именно в античности впервые была опробована демократия, о которой теперь мечтали<sup>4</sup>? Несомненно, здесь сказалось влияние Руссо (который, правда, по мнению А. Герар, «любил античность не благодаря знанию, а благодаря невежеству»<sup>5</sup>),

---

<sup>1</sup> Пестрят экскурсами в античность и проекты, присылаемые в Комиссию. См., например: A.N., C 227, d.183 bis \* 3/1. Doc. 4; Ibid., d.183 bis \* 3/2. Doc. 37; Ibid., C 232, d.183 bis \* 12. Doc. 1, 38.

<sup>2</sup> *Szramkiewicz R. Bouineau J. Histoire des institutions. P., 1992. P. 139.*

<sup>3</sup> *Mossé C. L'Antiquité dans la Révolution française. P., 1989. P. 9.*

<sup>4</sup> Ibid. P. 11.

<sup>5</sup> Стоит отметить, что, вообще, далеко не всегда участники революции подражали античности, действительно зная, о чем идет речь. Едва ли не лучшим примером здесь может служить фригийский колпак, который никогда ранее не был символом свободы, что не помешало большинству революционеров оставаться при своем мнении. *Wrigley R. Le bonnet de la liberté: culture classique et culture populaire // Les droits de l'homme... P. 349-350.* Обратим внимание, что, по его словам, и после Термидора этот головной убор не только не вышел из моды, но и имел широкое распространение.

Монтескье и других просветителей, а также успехи археологии – открытие Геркуланума и Помпей, сделанные в XVIII веке<sup>1</sup>.

Особый пиетет к античности питал и Конвент, причем с самого начала своей работы. В зале заседаний стояли бронзовые статуи Нумы, Ликурга, Платона и Брута<sup>2</sup>; выступления многих депутатов не обходились без ссылок на давно ушедшие времена. Согласно проведенным Ж. Буино подсчетам, на первом месте в этом плане оказывался Робеспьер, однако в его списке есть и часть участников дискуссии, среди которых Эшассерье-старший (39 упоминаний), Буасси д'Англа (24), Тибодо (20), Камбасерес (19), Лувэ (15), Дюбуа-Крансе (11), Майль (10), Боден (7), Ларевельер-Лепо, Ланжюине, Крезе-Латуш, Дону (по 2)<sup>3</sup>. При этом депутаты Конвента (а затем и обоих Советов) упоминали Рим чаще, чем Грецию<sup>4</sup>, что также имеет немало объяснений: с одной стороны, Рим воспринимался как пример республиканского героизма, теоретическая модель для институтов<sup>5</sup>; с другой стороны, именно сочинения римских классиков заставляли тогда читать в школе<sup>6</sup>. Так, например, ссылаясь на Рим, упоминая Брута, Кориолана и Курция, Боден, выступая в Конвенте 13 фрюктидора (31 августа), говорил: «Мы сейчас обращаемся к суровой истории, мы спрашиваем этого неподкупного свидетеля; он разворачивает перед нашими глазами панораму античности; и мы компенсируем столько бед, вызванных деспотизмом, трогательным примером, проявленным республиканцами по отношению к своему отечеству»<sup>7</sup>.

Ссылки на античность, стремление видеть в ней пример для подражания не ограничиваются стенами Конвента. Так, в одной из статей, посвященной обсуждению проекта Конституции, Редерер умудряется в одном абзаце упомянуть для подтверждения своей

---

<sup>1</sup> *Guérard A.* The Life and Death of an Ideal. N.Y., 1956. P. 283.

<sup>2</sup> *Meister H.* Op. cit. P. 101.

<sup>3</sup> *Bouineau J.* Les toges du pouvoir (1789-1799) ou La Révolution de droit antique. Toulouse, 1986. P. 505.

<sup>4</sup> *Ibid.* P. 143-157.

<sup>5</sup> *Mossé C.* Op. cit. P. 155.

<sup>6</sup> *Parker H.T.* The Cult Of Antiquity and the French Revolutionaries. Chicago, 1937. P. 17.

<sup>7</sup> *Moniteur.* № 347. P. 1397.

мысли афинян, Солона, Ликурга, Спарту и римлян<sup>1</sup>. А в небольшой статье графа де Монлозье всего на двух соседних страницах можно встретить имена Мария, Суллы, Цезаря, Помпея, Антония, Октавиана и Августа<sup>2</sup>.

Однако в термидорианский период в отношении к античности появляется и нечто новое. Когда депутат Лекуантр в запале клянется головой Брута, это неожиданно вызывает смех<sup>3</sup>. В чем же здесь дело? Мне кажется, что все чаще и чаще подобная риторика начинает восприниматься как риторика якобинская, и потому, собственно, и отвергается. Появляется критическое отношение к античности, причем основная тяжесть удара падает опять же на Рим, который теперь рассматривается как источник, откуда именно якобинцы черпали примеры для подражания<sup>4</sup>.

Весьма характерен в этом отношении большой доклад, с которым в 1795 году Вольней выступил в Эколь нормаль. Обрушиваясь с резкой критикой на царивший в стране культ античности, Вольней с иронией говорил: «Наши предки клялись Иерусалимом и Библией, а новая секта клянется Спартой, Афинами и Титом Ливием». По его мнению, это «новый вид религии», как всякая религия заслуживающий безусловного осуждения. Он призывал: «Прекратим же поклоняться древним, у которых вместо Конституции была олигархия, вместо политики – исключительные права городов, вместо морали – право сильного и неприятие всего чуждого (*étranger*)...». Говоря о равенстве, продолжал он, «забывают, что Спарта была аристократией с тремя тысячами знати, которые держали в повиновении двести тысяч рабов»<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> Journal de Paris, 4 messidor (22.VI.95). Vol. 1. P. 1106.

<sup>2</sup> *Montlosier F.D., comte de*. Op. cit. P. 37-38.

<sup>3</sup> *Moniteur*. № 186. P. 758.

<sup>4</sup> В одном из своих памфлетов Боден дает несколько любопытных штрихов к восприятию якобинцами античности, отмечая их стремление проецировать в прошлое современные им политические ярлыки и рассматривать деятелей античности с позиций 1793 года. Так, например, он вспоминает, что Робеспьер-младший как-то назвал Цицерона фейяном. *Baudin P.C.L. Du fanatisme et des cultes*. P., III. P. 31.

<sup>5</sup> Цит. по: *Raskolnikoff M. Volney et les Idéologues: le refus de Rome // Revue historique*. 1982. № 542. P. 360.

И Вольней не одинок. Анализ памфлетов и переписки Комиссии одиннадцати позволяет выявить ту же тенденцию. «Рядом с высокомерным спартиатом, – писал Ронзье, – я вижу несчастного илота... Пусть мне не превозносят добродетель римлян даже в первые годы республики; на несколько добродетельных людей там были тысячи бесчеловечных, вооруженных кнутами, чтобы унижать своих рабов»<sup>1</sup>. Созвучны этому и некоторые слова, произносимые с трибуны Конвента. Так, например, Жан Дебри в своей большой речи, произнесенной 27 мессидора (15 июля) говорил: «В Спарте были илоты, иными словами, целая нация в самом позорном рабстве и лишенная всех гражданских и естественных прав»<sup>2</sup>. А в чрезвычайно популярной при Термидоре комедии Дюканселя «Внутренний мир Революционных комитетов или Современные Аристиды» – едкой сатире, направленной против якобинцев, тупые и безграмотные члены революционного комитета (иными словами, Комитета общественного спасения) все выведены под римскими именами. Любовь к Риму начинает идентифицироваться с террором<sup>3</sup>.

Однако вернемся к дискуссии. В принципе, складывается ощущение, что депутаты стремятся видеть на скамьях Конвента не только Руссо, в своих спорах они свободно сталкивают мнения многих философов и политиков, как если бы те действительно принимали участие в обсуждении затрагиваемых ими проблем. Так, рассматривая в *Journal de Paris* вопрос о том, нужен ли двух- или однопалатный Законодательный корпус, Редерер приводит по этому вопросу мысли не только Руссо, но и Тюрго, Адамса, Мабли, Кондорсе, Сийеса<sup>4</sup>.

Хорошо известен депутатам Национального конвента и законодательный опыт других стран Европы<sup>5</sup>, прежде всего Англии и

---

<sup>1</sup> *Ronzier R.* Op. cit. P. 25, 29. Об этом же писал и, например, Ж.В. Васселен: *Vasselin G.V.* Respect à la propriété et aux autres droits du citoyen. P. 30-31. Та же мысль встречается и в переписке Комиссии. См., например: А.Н., С 228, d.183 bis \* 4/2. Doc. 49.

<sup>2</sup> *Moniteur.* № 303. P. 1220.

<sup>3</sup> *Raskolnikoff M.* Op. cit. P. 359.

<sup>4</sup> *Journal de Paris*, 15 prairial (3.VI.95). Vol. 1. P. 1031-1032.

<sup>5</sup> *Moniteur.* № 282. P. 1137.

Голландии<sup>1</sup>; обращаются даже к примеру итальянских государств<sup>2</sup>. Причем, если Голландия рассматривается, по большей части, как сборище курьезов, то английский опыт анализируется гораздо вдумчивее. В целом в дискуссии упоминание Англии встречается 34 раза, из них 5 в ярко выраженном положительном контексте и 7 – в отрицательном.

Взгляды на английскую модель государственной системы действительно были при Термидоре более чем неоднозначны: с одной стороны, во многом оставалась в силе традиция видеть в Англии пример для подражания<sup>3</sup>, с другой, – нельзя было не учитывать, что революция там закончилась реставрацией монархии, что и после нее в стране благополучно существуют король и знать (в частности, палата лордов)<sup>4</sup>. Так, А. Эсмен отмечал, что именно во время Революции сознание французов (в том, что касается конституционного права) мало-помалу отходит от английских принципов<sup>5</sup>. Кроме того, напряженные отношения Англии с Французской республикой также придавали стремлению видеть в ее политической системе полезный опыт определенный налет непатриотичности.

Именно поэтому к Термидору на место стремления соответствовать английским канонам приходит стремление доказать, что можно создать конституцию не хуже и не следуя английским образцам. Наша Конституция готовилась в спешке, признает А. де Лезей-Марнезия, но все равно она едва ли не лучшая в Европе; в Англии все будет приходить в упадок, а во Франции – совершенствоваться<sup>6</sup>.

---

<sup>1</sup> Moniteur. № 298. P. 1199-1200; № 297. P. 1198; № 298. P. 1200; № 299. P. 1204; № 303. P. 1220. Замечу, что не только депутатам. Так, например, Воблан в «Размышлениях об основах Конституции» в качестве примера стран, где благополучно используется разделение властей, приводит не только Афины, Рим и Спарту, но и Англию, Соединенные Штаты и Швецию, которая одно время была, по мнению ряда просветителей, самой демократичной страной в мире. Цит. по: *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 1. № 7. 18.VII.95. P. 415-416.

<sup>2</sup> Moniteur. № 334. P. 1345.

<sup>3</sup> Подробнее об этом см., например: *Bonno G.* La constitution britannique devant l'opinion française de Montesquieu à Bonaparte. P., 1931.

<sup>4</sup> Moniteur. № 283. P. 1140.

<sup>5</sup> *Esmein A.* Op. cit. P. 30.

<sup>6</sup> *Lezay-Marnezia A. de.* Des causes de la révolution... P. 65.

А, может быть, в Англии и вовсе нет никакой демократии? Конечно нет, уверен Ж. Ле Фебюр. Ведь хотя «народ и избирает представителей в палату общин, но совращенный, опьяненный во время выборов честолюбцами, которые домогаются его голосов, он оказывается продан и покинут этими представителями»<sup>1</sup>. Ну разве может такая система служить примером для подражания?!

Что же касается Английской революции, то, как ни странно, из ее деятелей, кроме О. Кромвеля, упоминается лишь А. Сидней, участвовавший в революции на стороне парламента, бывший членом трибунала, судившего Карла I, написавший трактат «Рассуждения о правительстве» и казненный, будучи заподозренным в участии в антикоролевском заговоре в 1683 году. Судя по всему, этот образ был прекрасно знаком депутатам: Сидней упоминается наряду с Сократом и Катон<sup>2</sup>, а Лувэ вспоминает его в своем стихотворении, написанном, когда он скрывался от якобинцев<sup>3</sup>. Таким образом, если для конституционного комитета Лалли-Голандаля и Мунье в 1789 году «опыт – это прежде всего английский пример, обогащенный недавним американским конституционным выбором»<sup>4</sup>, то теперь на место восхищения Великобританией приходит восхищение Соединенными Штатами. Английская революция была уже давно, да и ее итог пугает многих депутатов<sup>5</sup>, а вот американская свершилась совсем недавно и еще свежа в памяти<sup>6</sup>. Малле дю Пан в принципе считал, что в 1795 году «жирондисты приняли за основу искаженную конституцию Соединенных Штатов»<sup>7</sup>. Американский

---

<sup>1</sup> *Le Febure G.* République fondée sur la nature phisique et morale de l'homme. S.l., 1798. P. 6.

<sup>2</sup> *Moniteur.* № 285. P. 1148.

<sup>3</sup> *Louvet J.B.* Mémoires de Louver de Couvrai sur la Révolution française. P., 1889. Vol. 1. P. 174. Сидней упоминается и в одном из проектов, отправленных в Комиссию: А.Н., С 227, d.183 bis \* 3/2. Doc. 37.

<sup>4</sup> *Baker K.M.* Op. cit. P. 544.

<sup>5</sup> *Moniteur.* № 305. P. 1228.

<sup>6</sup> О том, что американский конституционный опыт был французам хорошо известен см.: *Martucci R.* «Liberté chérie»: l'opinion française et les constitutions américaines // *Constitution & Révolution aux États-Unis d'Amérique et en Europe (1776/1815)*. Macerata, 1995. P. 173-207.

<sup>7</sup> *Mallet du Pan J.* Op. cit. Vol. 2. P. 147.

народ называют «нашим старшим братом на поприще свободы», «старшими братьями в революции», отмечают его процветание<sup>1</sup>.

Вообще, американская конституция служит признанным образцом<sup>2</sup>. Лакретель-младший вспоминал позднее, что во время обсуждения конституции «наиболее просвещенным умам» представлялся именно пример США<sup>3</sup> (хотя Камбасерес и Гарран наряду с ней предлагали воспользоваться и английской моделью<sup>4</sup>). И только Ларевельер-Лепо критиковал заокеанскую политическую систему, полагая, что и в ней не до конца проведен принцип разделения властей<sup>5</sup>. Цифры показывают, что в дискуссии Соединенные Штаты упоминаются 37 раз (немногим больше, чем Англия), из них 8 явно положительно.

Однако в реальности боязнь слишком сильной исполнительной власти предопределила отказ от президентской республики по американскому образцу. Как отмечал Редерер, «проект отказывается совету из пяти человек во власти, которую конгресс не побоялся вручить президенту Соединенных штатов»<sup>6</sup>. Не было заимствовано и избрание палат на различный срок, избирательное право ограничено конкретным цензом; относительно похожи лишь взаимоотношения между палатами. Тем не менее, это не помешало во время дискуссии часто ссылаться на США именно в положительном смысле и тщательно анализировать американский законодательный опыт<sup>7</sup>.

Из американских государственных деятелей признается авторитет Б. Франклина<sup>8</sup>, но гораздо более интересно то, что в доказательство необходимости баланса трех властей Буасси ссылается не на

---

<sup>1</sup> Moniteur. № 283. P. 1139; № 302. P. 1218.

<sup>2</sup> Moniteur. № 304. P. 1224-1225; № 290. P. 1169.

<sup>3</sup> *Lacretelle C.J.D. (jeune)*. Précis historique de la Révolution française. Directoire exécutif. P., 1803. Vol. 2. P. 2.

<sup>4</sup> Moniteur. № 303. P. 1220; № 305. P. 1229.

<sup>5</sup> Moniteur. № 305. P. 1227.

<sup>6</sup> *Journal de Paris*, 1 thermidor (19.VII.95). Vol. 2. P. 1216. В той же газете была опубликована большая статья Лезей-Марнезия об американском вето. *Ibid.*, 5 fructidor (22.VIII.95). Vol. 2. P. 1357-1358.

<sup>7</sup> См., например: Moniteur. № 311. P. 1253; № 315. P. 1270; № 318. P. 1282; № 331. P. 1332; № 334. P. 1345.

<sup>8</sup> Moniteur. № 299. P. 1203.

кого-либо, а на С. Адамса, обычно не входившего в отечественной историографии в первые ряды теоретиков<sup>1</sup>. В то же время идеи Адамса весьма созвучны мыслям французских законодателей: он выступал за неделимость суверенитета, поскольку суверенитет, с его точки зрения, заключался в том, что народ раз в один-два года избирает своих представителей и правителей, предоставляет избранному им же Сенату право обвинять их и делегирует право управлять, которое возвращается к нему перед очередными выборами. К тому же совсем недавно, в 1794 году, в послании законодателям Массачусетса он призывал помочь Франции<sup>2</sup>.

Однако многократные ссылки на опыт Соединенных Штатов разбиваются об иную точку зрения: американский народ может придумывать сколько угодно правильных и полезных вещей, но на французской почве они, увы, неприменимы<sup>3</sup>. «Когда вы ссылаетесь на Соединенные Штаты, – говорил Ларевельер-Лепо, – посмотрите, каково различие между ними и нами! Сельскохозяйственные профессии практически у всех жителей, всех собственников; их вдумчивый характер, огромное расстояние между их поселениями, средняя населенность даже самых больших городов, простота нравов, – все стремится поддерживать между ними мир; а у нас все стремится к беспокойству»<sup>4</sup>. Другой депутат, Гарран, уверен, что в Америке «нравы еще пребывают во всей их непорочной простоте,

---

<sup>1</sup> *Moniteur*. № 283. Р. 1140. В «Истории США» о нем лишь несколько упоминаний, самое большое из которых связано с тем, что Адамс не смог принять взглядов Т. Пэйна. История США. М., 1983. Т. 1. С. 129.

<sup>2</sup> *Adams S. Selections from his writings*. N.Y., 1946. Р. 86, 87, 90.

<sup>3</sup> Ср. у П. Генифе: «Рождение нового общества в Соединенных Штатах произошло без большого напряжения. Оно выглядело скорее как отдаленное следствие той революции, которую совершал каждый будущий американец, когда, покидая старую Европу, порывал с государственной религией, монархией и аристократией. [...] Англия подарила им свободы и институты, которые достаточно было только приспособить к их республиканским принципам, чтобы на долгий срок конституционным путем обеспечить себе свободу. Французская революция произошла в совершенной иной ситуации. Она провозгласила гражданское равенство в аристократическом обществе и политическую свободу в самой могущественной монархии Европы». *Gueniffey P. La politique de la Terreur*. Р. 53-54.

<sup>4</sup> *Moniteur*. № 305. Р. 1227.

привычка к свободе столь же стара, как само основание этих колоний»<sup>1</sup>.

Таким образом, можно сделать вывод, что депутаты Конвента ощущали себя в общем потоке европейской и американской истории: они вдумчиво анализировали зарубежный опыт, практически ни одно заимствование не проходило без дискуссии. И о многом знали не понаслышке: приводятся цитаты, анализируются институты (хотя, конечно, не обходится и без неточностей). И речь идет о собственном месте не только в истории, но и во всемирной цепи революций. При этом очевидно, что английских революционеров участники дискуссии явно считали своими предшественниками. И, одновременно, больше всего на свете боялись повторить английский путь, завершившийся реставрацией монархии; в стремлении доказать, что Английская революция ничего не принесла народу, часто отвергалось даже то положительное, чего она в реальности достигла. Неоднозначно и восприятие Америки. С одной стороны, американская революция – безусловно, достойный пример для подражания. С другой, термидорианцы не захотели использовать многое из того, что предлагал заокеанский законодательный опыт. Отсюда и попытки, признавая заслуги американской революции, подчеркнуть несопоставимость американских и французских условий: то, что хорошо для них, не подходит для нас. Ведь никакой опыт предшествующих революций не может заменить своего, французского.

Погружаясь в политическую борьбу вокруг принятия Конституции, невольно отмечаешь, что революционный опыт выступает как реальный участник процесса: на него многократно ссылаются авторы и депутаты различной политической ориентации, к нему взывают, увещевают сделать все, чтобы ошибки прошлого не повторились, в нем черпают аргументы<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> *Moniteur*. № 318. P. 1282.

<sup>2</sup> См., например: *Moniteur*. № 292. P. 1178; *Hénoul J.B.* Première lettre d'un citoyen à la Convention Nationale, sur l'ordre à établir dans la République. P., s.d. P. 4; *Lenoir-Laroche J.J.* Op. cit. P. 44, 49, 55, 62, 148, 149; *Paine Th.* Dissertation sur les premiers principes de gouvernement. P., III. P. 31, 134; A.N., C 228, d.183 bis \* 5/2. Doc. 49; *Ibid.*, C 229, d.183 bis \* 6/1. Doc. 22; *Ibid.*, d.183 bis \* 6/2. Doc. 44, 52; *Ibid.*, d.183 bis \* 7/2. Doc. 32.

«В чем кроются причины всех наших ошибок? – спрашивает автор одного из памфлетов. – В неопытности. Одно неправильное действие влечет за собой другое; оглядываются назад, но повернуть вспять уже поздно»<sup>1</sup>. Из документов эпохи следует, что многие современники рассматривали Термидор, как своеобразный синтез, итог революции, в полной мере унаследовавший многие беды и горести различных ее этапов. От монархии нам досталась развращенность, от революционных лет – анархия, говорил Гарран<sup>2</sup>. Более того, если верить Буасси, то коррупция и анархия связаны, хотя бы через Конституцию 1793 года, поскольку она – творение и той, и другой<sup>3</sup>. Нельзя не отметить, что к опыту апеллируют не только республиканцы, но и роялисты – и среди них сам Людовик XVIII. «Ужасный опыт, – пишет он в своей Веронской декларации, – прекрасно просветил вас о ваших бедах и их причинах»<sup>4</sup>.

Рассматривая Революцию как путь проб и ошибок, термидорианцы не без грусти отмечают, что не все в ней было так, как хотелось, и, тем не менее, важен итог – она победила. «Не стоит упрекать себя ни за беды, ни за ошибки, – говорил в конце II года Республики член Комитета общественного спасения со дня его основания Ж.-Б.-Р. Линде. – Всегда ли мы были, всегда ли мы могли быть тем, чем мы хотели быть? Мы все занимались одним и тем же делом; одни сражались смело и раздумчиво; другие в пылу горячности набрасывались на те препятствия, которые они хотели уничтожить и сокрушить... Кто захочет потребовать у нас отчета за те вещи, которые невозможно предвидеть и направлять? Революция совершена; она в равной мере творение всех»<sup>5</sup>. И, тем не менее, термидорианцы не раз ужасаются, оглядываясь назад. «Мы пережили, – пишет один из них, – блокаду Анрио, неронизм Марата,

---

<sup>1</sup> *Pochon J.M.* Conseil public pour toutes les classes de la société. Généralement pour toutes les affaires de famille, commerciales, judiciaires et administratives. P., IV. P. 3.

<sup>2</sup> *Moniteur.* № 318. P. 1282.

<sup>3</sup> *Moniteur.* № 281. P. 1132.

<sup>4</sup> *Louis XVIII.* Déclaration de Louis XVIII, Roi de France et de Navarre à ses sujets. S.l., s.d.. P. 4.

<sup>5</sup> Цит по: *Baczko B.* Comment sortir de la Terreur. P. 77.

восстания Паша со товарищи, циркуляры героев 2 сентября, федерализм Амара, суда с кингстонами Каррье, массовые расстрелы Колло, проконсулат Жозефа Лебона, чистки Барера, заговоры Фукье-Тенвиля, совесть судей 22 прериаля и, в особенности, божественность Робеспьера»<sup>1</sup>. Тем сильнее желание термидорианцев, «чтобы опыт не был полностью утерян, чтобы события прошлых лет не повторялись в тех же формах»<sup>2</sup>.

Еще более выпукло говорил о пройденном пути Буасси д'Англа в своей знаменитой речи, предварявшей обсуждение новой Конституции: «Мы прожили за шесть лет шесть веков. Наконец настала счастливая эпоха, когда мы, перестав быть гладиаторами свободы, можем стать ее истинными основателями... Пришло время извлечь уроки из преступлений монархии, ошибок Учредительного собрания, колебаний и отступлений назад Законодательного собрания, злодеяний тирании децемвиров<sup>3</sup>, бедствий анархии, бед Конвента, ужасов гражданской войны; лишь размышляя о широкой картине причин революции, прогрессе общественного мнения, бурной смене точек зрения и событий, лишь помня об отправной точке, пути, на который вы вступили, вашей собственной позиции, вы можете определить ту грань, которую вы не хотите переходить»<sup>4</sup>.

Революционное наследие давит на депутатов, «анархия» стоит за спиной, страх перед ней подчас не дает разумно действовать<sup>5</sup>. Вообще, как писал граф Б. де Беникаса о депутатах, «все люди этого типа полны страха и не без основания. Они пережили ужасные

---

<sup>1</sup> *Vasselin G.V. La verité sur la constitution de Collot-d'Herbois. Par un citoyen de la section Le Pelletier. P., III. P. 5-6.*

<sup>2</sup> *Lenoir-Laroche J.J. Op. cit. P. 62.*

<sup>3</sup> Имеются в виду члены Комитета общественного спасения времен диктатуры монтаньяров, которых при Термидоре нередко именовали «децемвирами».

<sup>4</sup> *Moniteur. № 281. P.1131-1132. Ср.: «За те девять лет, что Франция желала новую конституцию, целые века прошли перед нашими глазами». Fantin-Desodoards A. Op. cit. P. 3. И еще одно мнение, принадлежащее редактору «Котидьен» Галле: «Шесть лет революции, самого большого урока, какой только могут получить люди, кажутся потерянными для французов, привыкших жить, петь, спорить, драться, но только не думать». Цит. по: *Peltier J.G. Op. cit. Vol. 2. № 15. 12.IX.95. P. 432-433.**

<sup>5</sup> *Moniteur. № 332. P. 1336-1337.*

испытания: и детали того, что происходило в ужасную эпоху 1793 и 1794 годов, потрясали сердце и разум»<sup>1</sup>. А Ж.Г. Пелтье говорит уже конкретно об участниках дискуссии, что и Буасси, и другие авторы проектов конституции «все еще связаны путами террора»<sup>2</sup>. Навязчивый страх перед анархией и есть те самые «путы террора», которые предопределили, в частности, роковую слабость исполнительной власти<sup>3</sup>.

Исходя из революционного опыта Конституция III года часто оценивается и другими авторами. Так, один из современников писал о том, что в ней учли ошибки 1789 и 1791 годов и хотели предотвратить преступления и беды 1792 и 1793 годов<sup>4</sup>. Есть и сходные мнения, высказанные уже в наше время. «Она вдохновлялась принципами 1789, – полагал Д. Рише, – пересмотренными и исправленными в соответствии с опытом 1793 и 1794 годов»<sup>5</sup>. Или, как писал А. Мейнье, Конституция III года – «лишь Конституция 1791 года, подправленная в соответствии с опытом четырех последних лет»<sup>6</sup>.

Таким образом, депутаты не только ощущали себя в общем контексте мировой истории и использовали, по мере желаний и возможности, тот опыт, который был ими накоплен за годы Революции; в Конвенте существовало и определенное единодушие по поводу того, кто или что является теоретическим или практическим авторитетом, а что решительно неприемлемо. Насколько депутатам удалось пройти между Сциллой и Харибдой, между анархией и реставрацией, можно судить по тексту самой конституции. Здесь же важно то, что они чувствовали себя не первооткрывателями, а продолжателями, стремящимися избежать ошибок как своей, так и

---

<sup>1</sup> *Benicasa B., comte de*. Op. cit. P. 21.

<sup>2</sup> *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 1. № 6. 11.VII.95. P. 372.

<sup>3</sup> Хотя, скажем, К.М. Бейкер считает, что при принятии этой Конституции «философские принципы, а не исторический опыт играли решающую роль». *Baker K.M.* Op. cit. P. 546.

<sup>4</sup> *Meister H.* Op. cit. P. 151.

<sup>5</sup> *Richet D.* Coups d'état // DCRF. P. 44.

<sup>6</sup> *Meynier A.* Op. cit. P. 249. Естественно, что подобные оценки напрямую накладываются на историографические споры по поводу оценки Конституции III года Республики, которых я касался ранее.

английской и американской революций. Оставалось живо и теоретическое наследие, накопленное в предреволюционные годы: Руссо, несмотря ни на что, служил не меньшим авторитетом, чем Монтескье. И, кроме того, Конституцию писали специалисты, люди, достаточно образованные, чтобы осмыслить это наследие и решить, что необходимо из него сохранить, а от чего отказаться.

Дискуссия же тем временем завершается, позиции по основным вопросам определены, теперь необходимо лишь ввести Конституцию в действие и закончить Революцию.